

УДК 930.1(09)

**«НЕГАТИВНОЕ ВОЗВЫШЕННОЕ» vs «ПРОРАБОТКА ПРОШЛОГО»
В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ Д. ЛАКАПРЫ**

© 2011 г.

Ф.В. Николаи

Нижегородский государственный педагогический университет

fvnik@list.ru

Поступила в редакцию 10.06.2011

Рассматривается критика концепции возвышенного Ж.-Ф. Лиотара и попытки ее прямого переноса в сферу исторических исследований, в первую очередь при анализе предельных событий XX века, известным интеллектуальным историком Д. ЛаКапрой. Ситуативности, сомнительным религиозным и политическим импликациям этого понимания возвышенного ЛаКапра противопоставляет идею диалога или «проработки» прошлого – вдумчивую и осознанную критику, не противопоставляющую себя традиции, но пытающуюся ее частично преобразовать, исходя из актуальных научных и социально-культурных потребностей.

Ключевые слова: негативное возвышенное, предельные события, диалог, проработка прошлого, интеллектуальная история, Д. ЛаКапра.

Современные исследования культуры (и особенно американские) трудно в институциональном плане отнести к какой-либо одной дисциплинарной сфере: истории, философии или искусствоведению. Междисциплинарность сегодня скорее является нормой и сама по себе уже ни у кого не вызывает особого пиетета. Более важным и оправданным представляется вопрос: как именно концепции или отдельные понятия, сформировавшиеся в рамках одних наук, переносятся в смежные сферы и даже расширяют их границы? И всегда ли этот перенос оправдан и продуктивен?

Не претендуя на универсальное решение этой проблемы (что в принципе вряд ли возможно), обратимся к полемике о возвышенном, вызывающей в последние годы все более интенсивное внимание академического сообщества. Во многом инициированная Ж.-Ф. Лиотаром на рубеже 1970–1980-х гг. в рамках его концепции постмодерна, неразрывно связанная с дебатами о Холокосте и границах категории опыта, ставящих на грань уничтожения какую-либо социальную или этническую общность¹, эта полемика наиболее последовательно проявилась в работах Ш. Фелман и Д. Лауб «Признание: кризис свидетельства в литературе, психоанализе и истории» (1992), а также К. Карут «Травма: исследования памяти» (1995). Известный итальянский философ Дж. Агамбен так характеризует их позицию: «Исследователи из Йельского университета Шошана Фелман и Дори Лауб предложили определять шоа как “событие без свидетелей” <...> Свидетельствовать

о нем изнутри невозможно: изнутри смерти не свидетельствуют, голоса для задушенного голоса не существует. Но свидетельствовать извне о нем тоже невозможно: внешний наблюдатель такого события по определению исключен» [2, с. 196]. Единственный выход – это эстетизация свидетельства как возвышенного, где эта кантовская категория выступает маркером нерепрезентируемости, ограниченности рационального понимания данного феномена и его несравнимости с другими. Практическим шагом в этом направлении стала специфическая интерпретация «показаний» (testimony)² выживших: их видео-интервью рассматриваются как повторение травматического опыта прошлого в настоящем, что позволяет историку или интервьюеру обойти или преодолеть парадокс Холокоста, поскольку жертвы этого предельного события здесь говорят напрямую, изнутри свидетельствуя о своем страшном опыте. «Возвышенный» опыт, по мнению Фелман, Лауб и Карут, не может быть репрезентирован при посредничестве традиционных исследовательских процедур исторической науки или передан путем обычного означения³. Эти процедуры должны быть существенно трансформированы за счет эстетической категории возвышенного с его шоковым воздействием на зрителя (субъективный шок превращает исследователя в соучастника событий).

Одним из наиболее известных противников преувеличенных ожиданий от этого переноса категории возвышенного в исторические исследования стал известный представитель интел-

лектуальной истории Доминик ЛаКапра, отставивший важность сохранения осознанной дистанции в отношении прошлого, необходимой для внешней и внутренней критики его свидетельств (как вербальных, так и визуальных). По его мнению, не стоит жестко противопоставлять «показания» жертв Холокоста более традиционным представлениям об историческом свидетельстве. Их сближает этическая в своей основе «проработка» (working-through)⁴ прошлого, недооцениваемая позитивистски ориентированными историками в свидетельстве и гипертрофированно преувеличиваемая исследователями культуры в отношении «показаний».

Еще с 1970-х гг. будучи сторонником дерридианской деконструкции, ЛаКапра не склонен жестко противопоставлять прекрасное и возвышенное. Последнее вполне правомерно и может быть эффективно как субъективный опыт прошлого, однако популяризация и даже навязывание возвышенного как модели восприятия предельных событий у сторонников Лиотара⁵ в работах ЛаКапры вызывает последовательную критику.

Во-первых, по его мнению, использование категории возвышенного в отношении предельных событий продолжает обоснование своих действий самими нацистами. «Важность возвышенного для нацистских палачей не воспрещает и не “заражает” все остальные обращения к возвышенному, например, его использование при анализе Холокоста. Но неизбежно возникает вопрос, не повторяем ли мы при этом, пусть даже ненамеренно, позицию палачей без соответствующего критического отношения, отделяющего ее от нашего собственного голоса и нашего использования тех или иных понятий» [7, р. 2]⁶. Лиотар и большинство его американских последователей, по мнению ЛаКапры, не только игнорируют осознанное обращение нацистов к возвышенному, но и сами повторяют их аргументы в отношении евреев, лишь переверачивая оценки (негативные черты при этом становятся возвышенными) [5, р. 98]⁷. В качестве главного доказательства своей позиции ЛаКапра практически в каждой своей работе 1990–2000-х гг., вслед за С. Фридландером, обращается к познанской речи Гиммлера 1943 г. перед офицерами СС, которая рассматривается им как некое парадигматическое утверждение «негативного возвышенного» [5, р. 14–15, 106; 7, р. 3, 27; 8, р. 93–94]. Гиммлер в своем выступлении утверждает, что, несмотря на осознание всей тяжести уничтожения евреев, которую и он сам, и все офицеры СС ощущают и молча несут, оно необходимо как возвышенное подчинение воле фюрера, как своеобразная жертва Рейху.

Кроме того, отмечая, что А. Розенберг еще в 1917 г. пишет работу о возвышенном (от Лонгина до XIX в.), ЛаКапра связывает этот вектор нацистской идеологии с предельно травматичным опытом Первой мировой войны, примером чего может выступать обращение к фронтовому опыту (Fronterlebnis) Э. Юнгера [9, р. 113], то есть возвышенное уже у нацистов заслоняло какую-то другую травму – события Первой мировой войны и ее итоги для Германии. Отсюда ЛаКапра выводит следующий пункт критики позиции Лиотара и его сторонников: по его мнению, возвышенное в целом склонно замещать (данный термин используется в психоаналитическом ключе) травматические аспекты прошлого. Для французов, например, оно заслоняет коллаборационизм Второй мировой войны или войну в Алжире; для американцев – Хиросиму или Вьетнам. Подобное замещение опасно тем, что уводит события из-под рационального и критического осмысления, таким образом косвенно поддерживая палачей и организаторов насилия, позволяя им избежать справедливого осуждения.

Слабость или даже аффективный отказ от социальных импликаций современных обращений к возвышенному при этом блокирует критический потенциал трансформации общества. По мнению ЛаКапры, увлечение возвышенным во многом относится к сфере идеологии: «Функцией многих идеологий становится перевод травмы в фигуру возвышенного, а нацистская идеология и практика достигает этого наиболее ловким, индивидуальным и разрушительным способом» [8, р. 135–136]. В современных условиях акцент на возвышенном блокирует чрезвычайно важную идею модерна – стремление к нормативности, которое нельзя трактовать лишь как диспозитив власти, но которое представляет собой и требование расширения социальных и культурно-политических границ⁸.

Эта слабость перформативного потенциала практически всех концепций возвышенного, по мнению ЛаКапры, ограничивает работу исследователя на уровне языка и текста: «Более широкой проблемой является исследование взаимодействий между различными измерениями использования языка и его отношением к практике, включая как отношения между “устойчивой” исторической реконструкцией и “перформативным” диалогическим обменом с прошлым, так и между “возвышенным” избытком и нормативными границами, необходимыми для руководства социальной и политической жизни» [5, р. 4]. Для ЛаКапры (и это отличает его понимание интеллектуальной истории) тексты являются не

просто статичным результатом коммуникативного акта, но содержат мощный перформативный потенциал как для читателя, так и для самого автора (а косвенно и для различных социальных групп, формируя общественное мнение). Уже в работах 1970–1980-х гг. «Пролог к Сартру», «История, политика, роман» ЛаКапра подчеркивает борьбу между позициями героя, рассказчика и автора⁹. Теперь, когда его интересуют тексты, связанные с Холокостом («Падение» Камю, «Шоа» Ланцмана и др.), он также стремится выявить моменты, когда работа с текстом изменяет позицию автора: «В отличие от Бут и Фелман я убежден, что существует тонкое взаимодействие близости и отличия между Камю как автором и Клансом как рассказчиком, – связь, которая изменяется по ходу текста, а также имеет некоторые оттенки и модуляции. Проблема Холокоста, действительно, сложным образом вписывается в текст, но молчание, которое его окружает, не может быть поспешно приравнено возвышенному, превращая любую историю в холокост или травму» [7, р. 77]. Речь идет о «проработке» прошлого, противостоящей аффективному повторению опыта «предельных событий» в рамках концепций возвышенного.

Еще одним очень важным аргументом ЛаКапры в критике возвышенного становится выявление неосознанного религиозного измерения последнего. Ссылаясь на Р. Жирара, исследователь утверждает, что возвышенное в той же степени, что и сакральное, предполагает и оправдывает жертву, делает ее необходимой. Этот посыл присутствовал, по его мнению, уже у самих нацистов: «Я связываю эту жертвенность (sacrificialism) с секулярным сакральным (secular sacred) или негативным возвышенным, которые определяли действия как минимум некоторых нацистских палачей. <...> Моя точка зрения здесь не только аналитична, но включает также этический момент, поскольку включает понимание и признание этой жертвенности для того, чтобы сопротивляться ей и предотвратить ее повторение» [там же, р. 203]. Современная сакрализация Холокоста сторонниками возвышенного может быть оправдана на персональном уровне. Например, К. Ланцман как бывший участник трагических событий Второй мировой войны неизбежно вовлечен в воспроизведение этого трагического опыта в настоящем и его сакрализацию. Однако подобное восприятие (и его фетишизация средствами киноиндустрии) существенно сокращает пространство критического отношения к принципиально гетерогенному полю свидетельств о предельном опыте.

Для самого ЛаКапры важна не сакрализация эффекта возвышенного и не повтор шокового опыта эстетическими средствами, но кропотливый труд «транзитивного» диалога с прошлым. Предлагаемый ЛаКапрой концепт «проработки» как напряжения между самостоятельными исторической, эстетической и литургической позициями и призван, выстраивая дистанцию, препятствовать некритическому воспроизведению травматического опыта предельных событий [6, р. 138]¹⁰. Стратегия «проработки» травм прошлого ведет к их осознанию и смягчению – примирению с прошлым¹¹. Подчеркнем, что речь идет не о полном избавлении от травмирующего груза истории (такая попытка стала бы репрессией и вела бы к вытеснению травмы на неосознанный уровень), но о существенном смягчении травмы в настоящем и будущем.

Диалог с прошлым, по мнению ЛаКапры, необходимо вести самостоятельно, используя разные стратегии и теоретические модели там, где это оправдано. Фрейдовский психоанализ, идеи нарративного поворота, эстетическая теория с ее интересом к возвышенному не должны становиться неким оракулом или философским камнем, дающим ответ на любые вопросы. Их использование должно быть ограничено смысловой оправданностью и продуктивностью. Современное увлечение возвышенным, как считает ЛаКапра, можно понять: «эффект возвышенного порождается в результате столкновения познавательных усилий и блокировки травмы [Второй мировой войны]» [7, р. 34]¹². Однако гораздо более важной задачей представляется определение ситуативных границ взаимодействия между различными исследовательскими стратегиями в отношении прошлого. «То, что возвышенное, избыток сакрализации или самоуничтожение стремятся переступить или даже вообще исключить (и что потенциально может, хотя и не полностью, стать посредником в их взаимодействии), – есть роль пределов, включая границы прекрасного в искусстве и этике. Красота требует подтверждения и признания границ – формообразующих пределов, которые не нуждаются в тотализации, – более того, пределов, которые парадоксально переходимы в каждом подобном случае. Эти пределы являются основой того, что Кант рассматривает как аналогию между искусством и этикой; они должны рассматриваться как нормативные основания социальной жизни, хотя они и не абсолютны, но открыты для обсуждения, включая их преодоление и избыток (однако последние не стоит излишне обобщать или преувеличивать)» [5, р. 191].

Примечания

1. Подробный анализ истоков концепции возвышенного у Лиотара, а также ее соотносительности с теоретической полемикой 1960-1970-х гг. проводит М. Джей в работе «Потупленный взор: очернение зрения во французской мысли XX в.» [1].

2. Понятие «testimony» стало активно использоваться в американских исследованиях травмы именно в 1990-е гг., противопоставляясь при этом свидетельству (witnessing). Одной из первых и принципиально важных работ в этом ключе стало как раз отмеченное исследование Ш. Фелман и Д. Лауб. [3]). Подчеркнем, что термин testimony имеет не только юридическое значение, сохраняющееся и в предлагаемом русском эквиваленте «показания», но и обладает важным религиозным аспектом, обозначая скрижали Завета или 10 заповедей. В научном же плане противопоставление между testimony и witnessing, по мнению сторонников одного, должно было подчеркнуть радикальное отличие новых видеодокументов (интервью жертв Холокоста) от всех остальных типов источников, что, естественно, вызвало возражения значительной части историков.

3. Карут приводит в пример гибель детей у З. Фрейда и Ж. Лакана, когда опыт отца, потерявшего ребенка, не может быть передан словами или простым знанием о факте, но формирует императив «пробуждения», ориентированный в будущее [4, p. 110–112].

4. В своей работе «Репрезентируя Холокост: история, теория, травма» ЛаКапра характеризует «проработку» как «напряжение между самостоятельными исторической, эстетической и литургической позициями» и подчеркивает, что она должна воспрепятствовать некритическому воспроизведению «травматического опыта» или его аффективному повторению эстетическими средствами» [5, p. 138]. Само понятие «проработки» (working-through) Д. ЛаКапра заимствует у З. Фрейда («durcharbeiten»). К 1980-м гг. спектр интерпретаций этого термина различными школами и отдельными представителями психоанализа оказался уже достаточно широк [6, с. 387–389], что дало возможность исследователю частично переосмыслить его содержание.

5. ЛаКапра не стремится нивелировать различия между позициями Лиотара, Жижека, Агамбена, Карут, Фелман и других крупных исследователей. Эти отличия в некоторых ситуациях чрезвычайно важны, делая, например, позицию Агамбена или Фридландера более важной и интересной для ЛаКапры, чем трактовка возвышенного у Жижека. Однако в целом все они укладываются в некое единое русло, по-разному сочетая представления о трансцендентной или имманентной природе возвышенного [7, p. 32, 36–37].

6. «В определенном смысле молчание, описывающее Холокост, является эффектом политики уничтожения нацистов; повторение этого молчания в нашем собственном подходе – как минимум слишком проблематичный жест, который никогда не должен служить апологетической функции», – пишет ЛаКапра [7, p. 39].

7. Сокращение эйфории и рост ужаса при этом передается термином «негативное возвышенное», под-

черкивающим отличие этой трактовки от возвышенного у Канта.

8. В этом вопросе ЛаКапра следует не столько критической теории, сколько социальному проекту Э. Дюркгейма и его идее солидарности, которые он воспринял в рамках работы над своей докторской диссертацией и первой монографией [10].

9. Причем, по мнению ЛаКапры, тексты Ж.-П. Сартра, Стендаля, Ф.М. Достоевского, Дж. Элиот, Г. Флобера, Т. Манна, В. Вулф неразрывно связаны с социально-политическими взглядами их авторов. Исследователь считает, что так же, как Сартр в «Тошноте» выносит на суд и деконструирует культ чистого искусства, вытесняя и изживая в себе Антуана Рокантена, – каждый из этих писателей ведет сложный диалог и полемику со своими героями: Жюльеном Сорелем, Человеком из Подполья, Казабоном, Эммой Бовари. Текст романа каждый раз корректирует биографическое измерение авторской идентичности. Но, кроме этого, для ЛаКапры не менее важно и воздействие текста на читателя. Например, глава о Достоевском завершается следующим выводом: «Желание читателя идентифицировать себя с главным героем и найти катартическое избавление или заменяющий его ‘смысл’ через чтение художественной литературы является неполноценным замещением, поскольку читатель и рассказчик сталкиваются по ряду вопросов, и читатель, действительно, ставится в положение рассказчика, когда он (или она) должен интерпретировать роман и охарактеризовать его следствия, включая идеологическое, социальное и политическое значение. В этом смысле последние несколько глав [«Красного и черного» Стендаля] делают явным вопрос о восприятии романа как символического и индивидуального решения проблем, тематически и формально поставленных в романе» [11, p. 33–34].

10. Правда, как отмечает давний оппонент Д. ЛаКапры, не менее известный представитель интеллектуальной истории М. Джей, здесь происходит некое наложение двух разных фрейдовских оппозиций: траур vs меланхолия и «проработка» vs аффективное повторение. Подобно ЛаКапре, подчеркивая взаимовлияние полюсов этих оппозиций, Джей, в отличие от своего коллеги, усматривает больший потенциал (как терапевтический, так и когнитивный) и в меланхолии, и в аффективном повторении. В значительной степени эти последние выступают в качестве основы жизненного опыта (Erlebnis) [12, p. 59, 12–24].

11. ЛаКапра не склонен абсолютизировать терапевтический эффект примирения с прошлым, но прагматический и перформативный результат этого примирения для него весьма важен. В этом его позиция принципиально отличается не только от позиции Карут и Фелман, но и от позиции М. Джея, которые в данном вопросе следуют Т.В. Адорно и его акценту на негативности, отказу от превращения прошлого в единую структуру [9, p. 122, 5].

12. В этом контексте собственное, несколько чрезмерное увлечение психоанализом ЛаКапры представляется лишь как чуть более продуктивный шаг, но не как магистральный путь дальнейших исследований.

Список литературы

1. Jay M. *Downcast Eyes: The Denigration of Vision in Twentieth-century French Thought*. Los Angeles, London: University of California Press, 1994. 600 p.
2. Агамбен Дж. Что остается от Освенцима. Архив и свидетель. Гл. 1 // Синий диван. 2004. № 4. С. 196–228.
3. Felman S., Laub D. *Testimony: crises of witnessing in literature, psychoanalysis and history*. N.Y.: Routledge, 1992. 290 p.
4. Caruth C. *Unclaimed experience: trauma, narrative and history*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1996. 154 p.
5. LaCapra D. *Representing the Holocaust: history, theory, trauma*. University Press, 1994. 230 p.
6. Лапланш Ж., Понталис Ж.Б. *Словарь по психоанализу*. М.: Высшая школа, 1996. 623 с.
7. LaCapra D. *History and memory after Auschwitz*. Ithaca, 1998. 214 p.
8. LaCapra D. *Writing history, writing trauma*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. 226 p.
9. LaCapra D. *History in transit: experience, identity, critical theory*. Ithaca: Cornell University Press, 2004. 282 p.
10. LaCapra D. *Emile Durkheim: sociologist and philosopher*. Aurora, Colorado: The Davies Group Publishers, 2001. 290 p.
11. LaCapra D. *History, politics, and the novel*. Ithaca: Cornell University Press, 1987. 220 p.
12. Jay M. *Refractions of violence*. New York: Routledge, 2003. 225 p.

«NEGATIVE SUBLIME» vs «WORKING-THROUGH THE PAST» IN THE INTELLECTUAL HISTORY OF DOMINIC LACAPRA

F.V. Nicolai

The article concerns the noted American intellectual historian Dominic LaCapra's criticism of the notion 'sublime' in J.-F. Lyotard's works and its direct transfer into historical science, especially into the study of XX century limited events. LaCapra contrasts its situational character, doubtful religious and political implications to the dialogical 'working-through' the past, that is serious and conscious criticism, that does not confront the intellectual traditions, but tries to change them based on the actual social and cultural needs.

Keywords: negative sublime, limit events, dialogue, working-through the past, the intellectual history, D. LaCapra.